Оранжевый – хит сезона. Как я провела год в женской тюрьме

Автор:
Пайпер Керман

Оранжевый – хит сезона. Как я провела год в женской тюрьме

Пайпер Керман

Проект TRUESTORY. Книги, которые вдохновляют

Пайпер Керман живет спокойной размеренной жизнью – готовится к свадьбе с любимым, встречается с друзьями по выходным, проводит праздники с семьей. Но жизнь Пайпер рушится, когда к ней заявляются федералы с повесткой в суд. Пайпер приговаривают к 15 месяцам тюрьмы за преступление десятилетней давности – перевозку наркотиков и отмывание денег. Жених остается ждать Пайпер на воле, а в тюрьме она встречает бывшую любовницу, которая и сдала Пайпер ФБР.

Пайпер Керман

Оранжевый – хит сезона

Как я провела год в женской тюрьме

Piper Kerman

ORANGE IS THE NEW BLACK

Серия «Проект TRUESTORY. Книги, которые вдохновляют»

Series Artwork © 2017 Lions Gate Entertainment Inc. and Netflix Inc. All Rights Reserved.

Coryright © 2010, 2011 by Piper Kerman

© Мамедьяров З. А., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Ларри

Маме и папе

И Поп

Пускай звенят колокола,

Забудьте о своих дарах,

Есть трещина во всех вещах —

Так внутрь проходит свет.

Из «Гимна» Леонарда Коэна

От автора

Эта книга – мои мемуары. Все описанное в ней – результат моего личного опыта. Все имена (а в некоторых случаях и отличительные черты) людей, живших и работавших в тюрьмах, где меня содержали, изменены для сохранения конфиденциальности. Исключения составляют сестра Ардет Платт и Элис Джерард, которые любезно позволили мне использовать их настоящие имена.

1

Пойдешь моим путем?

Зона выдачи багажа международных рейсов в аэропорту Брюсселя была весьма просторной. Беспрестанно крутилось несколько каруселей. Я переходила от одной к другой, отчаянно пытаясь найти свой черный чемодан. Он был набит деньгами, полученными от продажи наркотиков, так что я переживала сильнее, чем обычно переживают при потере багажа.

В 1993 году мне было двадцать четыре года, и я, наверное, напоминала очередную дерганую дамочку, только что вернувшуюся из командировки. Я сменила «мартинсы» на красивые черные замшевые лодочки ручной работы. На мне были черные шелковые брюки и бежевый жакет, я казалась настоящей юной леди, без малейшего намека на контркультуру, если, конечно, не обращать внимания на татуировку на шее. Я сделала все в точности, как мне сказали: зарегистрировала багаж в Чикаго, откуда должна была через Париж добраться до Брюсселя.

Мой чемодан был набит деньгами, полученными от продажи наркотиков.

Оказавшись в Бельгии, я встала у карусели в ожидании своего черного чемодана на колесиках. Однако его нигде не было. С трудом справляясь с паникой, я призвала на помощь свой школьный французский и спросила, что случилось с моим багажом.

– Иногда сумки попадают не на тот рейс, – ответил мне здоровяк, работающий в багажном отделении. – Дождитесь следующего рейса из Парижа. Наверное, чемодан прилетит на нем.

А что, если мой чемодан засекли? Я знала, что перевозить более десяти тысяч долларов противозаконно, не говоря уже о том, чтобы везти их западноафриканскому наркобарону. Что, если власти меня уже ищут? Может, просто пройти через таможню и убежать? Или же чемодан действительно задержался, и в таком случае я брошу в аэропорту огромную сумму денег, принадлежащую человеку, который может убить меня, просто позвонив нужным людям? Я решила, что последнее все же страшнее. И осталась ждать.

Наконец прилетел следующий самолет из Парижа. Я подошла к своему новому «другу», который как раз занимался разгрузкой багажа. Когда боишься, строить глазки нелегко. Я заметила чемодан.

– Мой чемодан! – восторженно воскликнула я и схватила его.

От всей души поблагодарив своего спасителя из багажного отделения, я радостно помахала ему рукой и поспешила к выходу в терминал, где меня уже ждал мой друг Билли. Таможню я случайно пропустила.

– Я уж начал волноваться. Что случилось? – спросил Билли.

– Поехали скорее! – прошипела я.

Выдохнула я только тогда, когда мы вырвались из аэропорта и были уже на полпути к Брюсселю.

За год до этого прекрасным весенним днем я получила диплом об окончании колледжа Смит, расположенного в Новой Англии. Двор колледжа был залит солнцем, звучали волынки, а губернатор Техаса Энн Ричардс призывала меня и моих однокурсниц выйти в мир и показать всем, на что мы способны. Все родственники чрезвычайно гордились мной. Мои родители недавно развелись, но вели себя в высшей степени прилично. Мои представительные бабушки и

дедушки специально приехали с юга, чтобы своими глазами увидеть, как их старшая внучка в академической шапочке вращается в среде представителей привилегированного класса и выпускников Лиги плюща, а мой младший брат тем временем сходил с ума от скуки. Все мои более организованные и целеустремленные однокурсницы уже определились, куда пойдут учиться дальше, нашли работу в некоммерческих организациях или вернулись домой – это было вполне типично в печальный период кризиса при первом президенте Буше.

Я же осталась в Нортгемптоне, штат Массачусетс. Моей специальностью было театральное искусство, хотя отец и дед относились к моему выбору с изрядной долей скептицизма. Я выросла в семье, где образованию уделялось большое внимание. Мы были настоящим кланом врачей, учителей и адвокатов, поэтому случайно затесавшиеся медсестра, поэт или эксперт довольно сильно выделялись на общем фоне. Проучившись четыре года, я все еще считала себя дилетантом и полагала, что у меня нет ни нужных навыков, ни мотивации для работы в театре, но у меня не было и альтернативных планов – продолжить образование, построить успешную карьеру или пойти по проторенному пути и поступить на юридический.

Ленивой я не была. В студенческие годы я работала в ресторанах, барах и ночных клубах и не отказывалась брать двойные смены, своим усердием и чувством юмора завоевывая симпатию начальства и коллег. Эти люди были мне ближе по духу, чем большинство тех, с кем я познакомилась в колледже. Я не жалела, что выбрала Смит, поскольку там учились умные и энергичные женщины. Однако поступила туда, так как того требовало мое происхождение. Томясь в стенах Смита, я еле-еле добралась до выпускного, и теперь мне хотелось узнавать новое, экспериментировать, получать собственный опыт. Мне пора было жить своей жизнью.

Я была прекрасно образованной молодой леди из Бостона, обожающей богемную контркультуру и не имеющей никаких четких планов на будущее. Кроме того, я и представить себе не могла, что делать со своей потаенной жаждой приключений и как извлечь пользу из этой готовности рисковать. Во мне не было ни научной, ни аналитической жилки – я больше всего ценила искусство, стремления и чувства. Я сняла квартиру вместе с бывшей однокурсницей, которая также занималась театром, и ее чокнутой подружкой-художницей и устроилась официанткой в пивную. Там я подружилась с другими официантами,

барменами и музыкантами, которые все до единого были в самом расцвете сил и одевались исключительно в черное. Мы работали, закатывали вечеринки, купались голышом, катались на санках, трахались, иногда даже влюблялись. Мы делали татуировки.

В Нортгемптоне и окружающей его Долине пионеров мне нравилось все. Я без устали бегала по проселочным дорогам, училась подниматься сразу с десятком кружек пива по крутой лестнице, беспрестанно завязывала новые и новые романы с красавчиками и красотками, а летом и осенью брала среди недели выходные и ездила в Провинстаун поваляться на пляже.

С приходом зимы мне стало не по себе. Подруги по колледжу рассказывали о своей работе и жизни в Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско, а мне лишь оставалось гадать, какого черта я творю. Я понимала, что в Бостон уже не вернусь. У меня были прекрасные отношения с семьей, но мне совсем не хотелось расхлебывать последствия развода родителей. Оглядываясь назад, я понимаю, что гораздо лучше было бы отправиться путешествовать по Европе или поехать волонтером в Бангладеш, но я осталась в Долине.

В наш свободный социальный круг входила группа невероятно стильных и классных лесбиянок в возрасте уже за тридцать. В присутствии этих искушенных и умудренных опытом женщин я начинала стесняться, хотя обычно это для меня нехарактерно, но когда несколько из них переехали в квартиру по соседству с моей, мы крепко сдружились. Среди них была и Нора Йенсен, родом со Среднего Запада. Низенькая, со спутанными, песочного цвета кудрями и хриплым голосом, она напоминала французского бульдога или белокожую Эрту Китт[1 - Эрта Мэй Китт (англ. Eartha Mae Kitt) – американская певица и актриса.]. В ней все было забавным – то, как она, растягивая слова, сыпала колкостями, как наклоняла голову, чтобы внимательно окинуть тебя взглядом блестящих карих глаз, скрывающихся под лохматой челкой, даже как она держала свою неизменную сигарету, полностью расслабив запястье. Нора играючи могла разговорить любого, а когда обращала на тебя внимание, всегда казалось, что она собирается рассказать шутку, понятную только своим. Нора единственная из этой группы взрослых женщин обратила внимание на меня. Любовью с первого взгляда это не назовешь, но двадцатидвухлетней искательнице приключений в Нортгемптоне она казалась весьма загадочной личностью.

Мы работали, закатывали вечеринки, купались голышом, катались на санках, трахались, иногда даже влюблялись.

А потом, осенью 1992 года, она пропала.

И вернулась после Рождества. Теперь она сняла большую квартиру одна, обставила ее новенькой мебелью в богемном стиле и купила крутую стереосистему. Все остальные мои знакомые сидели на диванах из комиссионок, а она в открытую сорила деньгами.

Тогда Нора впервые позвала меня выпить. Было ли это свиданием? Может, и было, потому что она повела меня в бар отеля «Нортгемптон» – самый близкий эквивалент роскошного гостиничного лобби в нашем захолустье. Стены там были выкрашены в бледно-зеленый, поверх шли деревянные балки. Я нервно заказала «Маргариту» с солью, и Нора изогнула бровь.

– Не холодновато для «Маргариты»? – бросила она и заказала скотч.

И правда, из-за январских ветров на западе Массачусетса было неуютно. Мне стоило заказать что-нибудь темное в маленьком стакане – моя морозная «Маргарита» казалась крайне инфантильным выбором.

– Что это? – спросила Нора, показывая на маленькую металлическую коробочку, которую я положила на стол.

Нора вкратце рассказала о своих приключениях. Она контрабандой провезла наркотики, ей щедро заплатили за работу.

В желто-зеленой коробочке когда-то были лимонные леденцы. На крышке был изображен смотрящий на запад Наполеон, легко узнаваемый по треуголке и золотым эполетам. Коробочка служила кошельком одной женщине из высшего общества, которую я знала в колледже. Человека лучше нее я никогда не встречала. Она училась в художественной школе, жила за пределами кампуса, была веселой, любознательной, доброй и очень классной, и однажды, когда я похвалила коробочку, она отдала ее мне. В нее как раз влезали пачка сигарет,

водительские права и двадцатка. Когда я попыталась достать из своего жестяного кошелька деньги, чтобы оплатить первый раунд, Нора лишь махнула рукой.

Где она пропадала все эти месяцы? Я спросила ее об этом, и она вкратце рассказала о своих приключениях. Нора спокойно объяснила, что друг ее сестры, обладавший «нужными связями», привлек ее к предприятию по контрабанде наркотиков, и она поехала в Европу, где американский арт-дилер, тоже обладавший «нужными связями», обучил ее, как вести себя в преступном мире. Она контрабандой провезла наркотики в его страну, и ей щедро заплатили за работу.

Я не верила своим ушам. Зачем Нора вообще мне об этом рассказала? Что, если бы я сдала ее полиции? Я заказала еще один коктейль, почти не сомневаясь, что Нора все выдумала в неосторожной попытке меня соблазнить.

Однажды я действительно видела младшую сестру Норы, которая как-то пришла ее навестить. Ее звали Эстер, она увлекалась оккультизмом и повсюду развешивала амулеты и всякие побрякушки, сделанные из куриных костей и перьев. Мне показалось, что Эстер просто викканское гетеросексуальное воплощение своей старшей сестры, но, судя по всему, она была любовницей западноафриканского наркобарона. Нора описала, как они с Эстер ездили в Бенин, чтобы встретиться с этим наркобароном, которого звали Аладжи и который как две капли воды был похож на MC Hammer’a. Остановившись в качестве гостьи в его поселении, Нора подверглась обряду, проведенному местным шаманом, и теперь считалась свояченицей наркобарона. Все это звучало дико, ужасно, пугающе, мрачно – и до невозможности увлекательно. Я не могла поверить, что Нора, хранительница столь многих страшных секретов, решила доверить мне свои тайны.

Казалось, рассказав свои секреты, Нора привязала меня к себе и начала ухаживать за мной. Ее нельзя было назвать красавицей, но обаяния и остроумия ей было не занимать, к тому же она умела вести себя на удивление непринужденно. А я никогда не могла устоять перед людьми, которые решительно шли со мной на сближение. Соблазняя меня, она действовала настойчиво и в то же время терпеливо.

В последовавшие месяцы мы стали гораздо ближе, и я узнала, что несколько знакомых мне местных ребят втайне работают на нее, что показалось мне обнадеживающим. Меня манили запретные приключения, с которыми был связан образ Норы. Когда она надолго уезжала в Европу или Юго-Восточную Азию, я практически жила у нее дома, присматривая за двумя черными кошками Эдит и Дам-Дам, которых она обожала. Она звонила среди ночи с другого конца света, чтобы проверить, как там ее питомцы, и в трубке раздавались щелчки и шипение. Я ни о чем никому не рассказывала, хотя мои друзья едва не умирали от любопытства.

Так как работала Нора за пределами нашего маленького городка, наркотики казались мне какой-то абстрактной сущностью. Я не была знакома с теми, кто принимает героин, и не думала, каково это – страдать от зависимости. Одним весенним днем Нора вернулась домой на новеньком кабриолете «Мазда Миата», в багажнике которого лежал чемодан, полный денег. Разбросав деньги по кровати, Нора разделась догола и принялась со смехом кататься по ним. На тот момент это был самый большой ее заработок. Вскоре я уже разъезжала по городу на ее кабриолете, а из колонок доносился голос Ленни Кравица, который все спрашивал: «Пойдешь моим путем?»

Несмотря на странные романтические отношения с Норой (а может, как раз из-за них), я понимала, что мне нужно выбираться из Нортгемптона и устраивать свою жизнь. Мы с моей подругой Лизой Б. копили чаевые, решив, что по окончании лета уволимся из пивной и отправимся в Сан-Франциско. (Лиза ничего не знала о тайных делишках Норы.) Когда я сказала об этом Норе, та ответила, что не откажется от квартиры в Сан-Франциско, и предложила нам вместе полететь туда и подобрать себе жилье. Я удивилась, что ее чувства ко мне так сильны.

Всего за несколько недель до того как я должна была уехать из Нортгемптона, Нора узнала, что ей нужно вернуться в Индонезию.

– Может, поедешь со мной? Вместе веселее, – предложила она. – Тебе не придется ничего делать, просто развеешься.

Я никогда не была за границей Соединенных Штатов. Хотя я и планировала начать новую жизнь в Калифорнии, отказаться от предложения Норы было невозможно. Мне хотелось приключений, и Нора могла их предложить. С

парнями из Нортгемптона, которые сопровождали ее в поездках по экзотическим странам в качестве мальчиков на побегушках, еще ни разу ничего не случалось – на самом деле по возвращении они даже рассказывали умопомрачительные истории, предназначенные лишь для узкого круга. Я решила, что в поездке с Норой нет ничего страшного. Она дала мне деньги на билет из Сан-Франциско в Париж и сказала, что на стойке авиакомпании «Гаруда Эйр» в аэропорту Шарль-де-Голль меня будет ждать билет на Бали. Вот и все.

Отказаться от предложения Норы было невозможно. Мне хотелось приключений, и Нора могла их предложить.

Для всех Нора и ее сообщник, бородатый парень по имени Джек, были заняты открытием журнала о литературе и искусстве – весьма сомнительное прикрытие для незаконной деятельности, но дающее повод напустить тумана. Когда я сообщила друзьям и родственникам, что переезжаю в Сан-Франциско, они очень удивились и стали расспрашивать о новой работе, но я отвечала загадками, стараясь пускать как можно больше пыли в глаза. Выехав вместе с Лизой из Нортгемптона и направившись на запад, я почувствовала, что наконец-то начинаю собственную жизнь. Я была готова ко всему.

Мы с Лизой без остановок проехали от Массачусетса до границы с Монтаной, по очереди отдыхая и сидя за рулем. Посреди ночи мы свернули в зону отдыха, чтобы поспать, и проснулись на рассвете – золотой восход в восточной Монтане не описать словами. Не помню даже, была ли я раньше столь счастлива. Миновав Штат Бескрайнего Неба, мы быстро пересекли Вайоминг и Неваду и по огромному мосту въехали в Сан-Франциско. Скоро у меня был самолет.

Что мне понадобится в Индонезии? Я понятия не имела. Я положила в небольшую сумку черные шелковые брюки, легкий сарафан, джинсовые шорты, три футболки, красную шелковую рубашку, черную мини-юбку, одежду для бега и пару черных ковбойских сапог. Взволнованная без меры, я забыла бросить в сумку купальник.

Прилетев в Париж, я пошла прямиком к стойке «Гаруда Эйр», чтобы забрать свой билет на Бали. Там обо мне даже не слышали. Расстроившись, я села за столик в

ресторане аэропорта, заказала кофе и попыталась понять, что мне теперь делать. Мобильных телефонов и электронной почты еще не было, поэтому я не представляла, как связаться с Норой, и решила, что мы друг друга недопоняли. Наконец я встала из-за столика, подошла к газетному киоску, купила путеводитель по Парижу и забронировала номер в дешевом отеле, расположенном в центре шестого округа. (Лимит моей единственной кредитки был весьма невелик.) Из маленького номера я видела крыши Парижа. Я позвонила Джеку – старому другу Норы и ее бизнес-партнеру в Штатах. Ехидный, высокомерный, обожающий проституток, Джек был мне очень не по душе.

– Я застряла в Париже. Все, что сказала Нора, неправда. Что мне делать? – спросила я его.

Джеку не понравилось, что я ему позвонила, но он не решился бросить меня на произвол судьбы.

– Найди отделение «Вестерн Юнион». Завтра переведу тебе деньги на билет.

Перевод пришел только через несколько дней, но я не жаловалась. Я бродила по Парижу и смотрела на все вокруг широко раскрытыми глазами. На фоне большинства французских женщин я выглядела подростком, и мне захотелось исправить это недоразумение, для чего я купила пару красивых черных чулок в сетку, чтобы носить их со своими «мартинсами» и мини-юбкой. Мне было плевать, уеду ли я из Парижа. Я оказалась в раю – и совершенно одна.

Покинув прокуренный салон самолета, тринадцать часов летевшего из Парижа на Бали, я с удивлением увидела в толпе встречающих своего приятеля Билли, мы вместе работали в пивной. Он возвышался над индонезийцами, а на его веснушчатом лице сияла улыбка. Светловолосый, с большими голубыми глазами, Билли вполне мог сойти за моего брата.

– Нора ждет в отеле. Тебе здесь понравится! – сказал он.

Встретившись с Норой в роскошном номере, я немного застеснялась ее в такой необычной обстановке. Но она вела себя как ни в чем не бывало.

На Бали началась настоящая вакханалия: мы днями и ночами загорали, выпивали и танцевали без устали с приятелями-геями Норы, местными красавчиками, готовыми помочь нам потратить деньги, и молодыми европейцами и австралийцами, которых встречали в клубах на пляже Куты. Я купила на уличном рынке бикини и саронг, научилась торговаться за резные маски и серебряные украшения и часами бродила по узеньким улочкам Нуса-Дуа с приветливыми местными жителями. Из других развлечений мне были доступны поездки в храмы, полеты на водном парашюте и погружения с аквалангом. Инструкторам на Бали очень нравилась изящная синяя рыбка с длинными плавниками, которую я набила себе на шею еще в Новой Англии, и они с радостью показывали мне собственные татуировки. Но среди всей этой радостной суеты Нора то и дело разговаривала по телефону с Аладжи и с Джеком.

Мне было плевать, уеду ли я из Парижа. Я оказалась в раю – и совершенно одна.

Их бизнес был очень прост. Находясь в Западной Африке, Аладжи сообщал «избранным» людям из США, что у него появились «контракты» на упаковки наркотиков (обычно они представляли собой самодельные чемоданы, за подкладку которых был вшит героин), – а появлялись эти «контракты» в любой точке мира. Люди вроде Норы и Джека (по сути, субподрядчики) организовывали перевозку чемоданов в Штаты, где передавали их дальше на условиях анонимности. Именно они должны были спланировать перевозку – нанять курьеров, обучить их, как проходить через таможню, оплатить их «отпуска» и прочие расходы.

Аладжи работал не только с Норой и Джеком. На самом деле Нора уже некоторое время конкурировала с Джонатаном Бибби, тем самым «арт-дилером», который когда-то ее обучил. Расслабляться ей было некогда – она постоянно думала, сколько контрактов готов предоставить Аладжи, смогут ли они с Джеком их исполнить и прибудут ли все упаковки наркотиков по заранее согласованному расписанию. Любой из этих факторов мог измениться в самый последний момент. Работа требовала гибкости и денег.

Когда денег становилось мало, меня отправляли в разные банки получать денежные переводы от Аладжи – это само по себе было преступлением, хотя тогда я этого и не понимала. Однажды меня послали с таким же заданием в Джакарту, и один из будущих курьеров попросился поехать со мной, заскучав в нашем шикарном отеле. Это был молодой парень из Чикаго, который обожал гот-культуру, но при этом следил за собой и выглядел вполне привлекательно. В городе мы попали в пробку. Нас окружал типичный для мегаполиса Юго-Восточной Азии пейзаж: было жарко, прямо на обочинах были выставлены на продажу клетки с лающими щенками, повсюду бродили люди. У светофора на улице лежал нищий и просил подаяния. На солнце его кожа стала почти черной, ног у него не было. Я уже начала было опускать свое стекло, чтобы дать ему немного денег из тех сотен тысяч рупий, которые мы везли с собой.

Мой компаньон ахнул и откинулся на сиденье.

– Не надо! – вскричал он.

Я презрительно взглянула на него. Наш таксист взял у меня деньги и из своего окна протянул их нищему. Дальше мы поехали молча.

Свободного времени у нас было предостаточно. Мы выпускали пар в пляжных клубах Бали, бильярдных Джакарты и ночных клубах вроде «Танамура», которые по своему назначению граничили с борделями. Мы с Норой ходили по магазинам, посещали косметологов и путешествовали по Индонезии – только вдвоем, без мужчин. Иногда мы ссорились.

Отправившись на Кракатау, мы наняли гида, чтобы он провел нас по склонам, покрытым густой тропической растительностью. Было жарко и влажно, с нас катился пот. Мы остановились на обед у красивой реки неподалеку от водопада. Искупавшись голышом, Нора взяла меня на слабо, сказав, что я ни за что не спрыгну с водопада, который был по меньшей мере футов тридцать пять высотой.

– Здесь кто-нибудь когда-нибудь нырял? – спросила я нашего гида.

– О да, мисс, – улыбнувшись, ответил он.

– А ты нырял?

– О нет, мисс! – все так же улыбаясь, воскликнул гид.

И все же мне не хотелось прослыть слабачкой. Раздевшись догола, я полезла на скалу, показавшуюся мне самым удобным трамплином. Водопад ревел у моих ног. Далеко внизу бурлила мутно-зеленая вода. Мне было очень страшно, и все это уже не казалось такой прекрасной идеей. Но скала была скользкой, и, попытавшись несколько раз слезть с нее боком, словно краб, я поняла, что все же придется прыгнуть. Другого выхода не было. Собравшись с силами, я оттолкнулась от скалы и с визгом полетела вниз. Я рассекла своим телом поверхность воды, погрузилась в зеленые волны и вскоре со смехом вынырнула. Через несколько минут прыгнула и Нора.

Вынырнув, она прокричала:

– Ты сумасшедшая!

– То есть ты бы не прыгнула, если бы я испугалась? – удивленно спросила я.

– Да черта с два! – ответила она.

И в эту минуту мне стоило бы понять, что доверять Норе нельзя.

Казалось, Индонезия таила в себе неисчерпаемые красоты, но было в ней и кое-что печальное. Никогда прежде я не видела такой ужасной бедности, как в Джакарте, или столь неприкрыто работающего капитализма, как на гигантских фабриках и в барах отелей, где вечно слышалась плавная техасская речь выпивающих друг с другом руководителей нефтяных компаний. Можно было целый час общаться с приятным британским дедушкой, обсуждая прелести Сан-Франциско и слушая истории о породистых грейхаундах, ждущих его в Великобритании, а потом, при обмене визитками, он вполне мог заявить, что вообще-то торгует оружием. На закате я поднималась на лифте на крышу отеля «Джакарта Гранд Хайят» и принималась наматывать круги по проложенной сквозь заросший сад дорожке, а с минаретов мечетей, раскиданных по всему городу, до меня доносились голоса муэдзинов, призывающих мусульман к молитве.

В эту минуту мне стоило бы понять, что доверять Норе нельзя.

Прожив в Индонезии несколько месяцев, я с радостью и в то же время с печалью попрощалась с ней и отправилась обратно на Запад. Я соскучилась по дому.

Четыре месяца я беспрестанно путешествовала с Норой, время от времени на несколько дней заезжая в Штаты. Мы жили в постоянном напряжении, хотя порой нам и становилось невыносимо скучно. Мне было нечем заняться, кроме как отправляться вместе с Норой на все ее встречи с курьерами. Я одна бродила по улицам незнакомых городов. Знакомясь с миром, я чувствовала себя оторванной от него, как человек без цели и места в жизни. Не таких приключений я жаждала. Я лгала своей настоящей семье и начинала уставать от своей «семьи» наркокурьеров.

Однажды, когда я ненадолго приехала в Штаты, чтобы повидаться с родственниками, которые были полны подозрений, Нора позвонила мне и сказала, что я должна встретить ее в Чикаго. Аэропорт О’Хара считался «безопасным», что бы это ни значило, поэтому туда и поступали наркотики. Я встретилась с Норой в отеле «Конгресс» на Мичиган-авеню. «Ну и дыра», – подумала я. К этому времени я уже привыкла к комфорту «Мандарин Ориенталь». Нора была немногословна и объяснила мне, что на следующий день я должна полететь в Брюссель с чемоданом денег. Она должна была пойти на это для Аладжи, а я должна была пойти на это для нее. Она никогда прежде меня ни о чем не просила. В глубине души я чувствовала, что давно подписалась на это, и не могла сказать нет. Мне было страшно. Но я согласилась.

В Европе стало тяжелее. Норе было все сложнее поддерживать бизнес, она частенько рисковала курьерами, и это пугало. В Бельгии к нам присоединился ее партнер Джек, и все пошло под откос. Джек казался мне алчным, опасным и распутным, и я видела, что Нора доверяет ему гораздо больше, чем печется обо мне.

Напуганная, я почти ни с кем не говорила. Мы переехали из Бельгии в Швейцарию. Я одна бродила по Цюриху, пока Нора с Джеком выстраивали свои схемы. Три раза подряд посмотрев «Пианино», я была рада, что хотя бы этот фильм переносит меня в другое время и место и заставляет что-то чувствовать.

Когда Нора без обиняков велела мне перевезти наркотики, я поняла, что больше не представляю для нее никакой ценности и должна приносить доход. Я послушно «потеряла» паспорт и получила новый. Нора напялила на меня очки, жемчуга и пару страшных лоферов и тщетно попыталась замазать тональным кремом татуировку на моей шее. Мне было велено сделать консервативную стрижку. В субботу днем я попала под холодный дождь, пока искала парикмахера, который сможет превратить мои отросшие светлые локоны в нечто более презентабельное, и нырнула в крошечный салон, уже пятый за день. В предыдущих четырех меня встретили по-швейцарски холодно, но здесь я услышала знакомый акцент:

– Вам помочь?

Я чуть не расплакалась, увидев в салоне милого парня. Его звали Фенвик, он родился в одном из южных штатов и был похож на Теренса Трента д’Арби. Он помог мне снять промокший плащ, усадил в кресло, принес чашку горячего чая и сделал стрижку. Когда я пыталась объяснить, что мне нужно, он слушал меня с интересом и удивительной чуткостью. Сам он рассказал о Новом Орлеане, мы поговорили о музыке и Цюрихе.

– Это прекрасный город, – сказал он. – Но здесь у нас серьезные проблемы с героином. Люди под кайфом тут и там валяются на улицах.

Мне стало стыдно и захотелось вернуться домой. Я от души поблагодарила Фенвика и ушла из салона. Этот парень был единственным, с кем я подружилась за многие месяцы.

Мне стоило лишь позвонить, и родственники тотчас вытащили бы меня из любой передряги, но я так этого и не сделала. Я решила, что должна со всем разобраться сама. Я и только я подписалась на эту авантюру, и сама должна была дойти до конца, хотя теперь и боялась, что конец этот может стать летальным.

Когда Нора без обиняков велела мне перевезти наркотики, я поняла, что больше не представляю для нее никакой ценности и должна приносить доход.

Нора и Аладжи разработали сложный и рискованный план подмены чемоданов в аэропорту Цюриха, но, к счастью, наркотики, которые я должна была перевезти, так и не пришли к нам. Мне повезло – наркокурьером я так и не стала. Казалось, катастрофа теперь – лишь вопрос времени. Я была вне себя. Мне нужно было бежать, и я это понимала. Когда мы вернулись в Штаты, я взяла билет на первый же рейс до Калифорнии. Оказавшись в безопасности на Западном побережье, я разорвала все связи с Норой и оставила в прошлом все преступные дела.

2

Все изменилось мгновенно

В Сан-Франциско мне было спокойно – пускай я и была ненормальной, но меня окружали такие же люди. Я нашла квартиру в Лоуэр-Хайт и въехала туда вместе со своим старым другом Альфи, с которым мы вместе работали в пивной и который уже некоторое время жил в Сан-Франциско. Я еще не оправилась от шока и чувствовала себя обугленным обломком космической станции «Скайлэб», прорезавшим атмосферу и упавшим на Землю. Когда Альфи не было дома, я сидела на полу и все думала, что же я натворила, будучи не в силах смириться с тем, насколько далеко я зашла и с какой легкостью поступалась всеми своими принципами. Я поклялась, что никогда больше не предам себя, как бы ни сложились обстоятельства и кто бы ни оказался рядом.

После нескольких месяцев, проведенных в преступной среде, мне не сразу удалось адаптироваться к нормальной жизни. Я привыкла к уборке в номерах, экзотике и тревоге. Но в окрестностях Сан-Франциско жили несколько моих прекрасных друзей из колледжа, которые взяли меня под крыло и привели в мир работы, барбекю по выходным, игр в софтбол и других привычных многим ритуалов. Я бросила курить.

Мне все время было страшно, что закончатся деньги, поэтому я устроилась сразу на две работы. Я вставала рано утром, чтобы попасть на первую работу в Кастро и в семь утра открыть кафе и кабаре «У Джози», а домой возвращалась поздно ночью, после смены хостес в роскошном итальянском ресторане в Пасифик-Хайтс на другом конце города. Затем я наконец-то получила «приличную» работу в телевизионной компании, которая специализировалась на съемке рекламно-информационных роликов. По долгу службы мне приходилось заманивать прохожих на стоящие в общественных местах странные тренажеры, исполнять все прихоти третьесортных знаменитостей на съемках и воском удалять волоски с лица незнакомых мне людей. Я летала по всей стране и снимала людей, которые хотели быть не такими толстыми, не такими бедными, не такими старыми, не такими одинокими или не такими волосатыми. Оказалось, что я могу разговорить практически любого, будь это Брюс Дженнер или мамаша с усиками, и быстро найти с ними общие темы, ведь мне тоже хотелось быть не такой бедной, одинокой и волосатой. Начав девочкой на побегушках, я постепенно дослужилась до настоящего продюсера и стала заниматься подготовкой к съемкам, их проведением и монтажом отснятого материала. Мне нравилась моя работа, и это веселило всех моих друзей, которые частенько поддразнивали меня на тему последних новинок из телемагазина.

Мне все время было страшно, что закончатся деньги, поэтому я устроилась сразу на две работы.

В то время я ходила на свидания, но до сих пор чувствовала себя неуверенно после неудачных отношений с Норой. Меня не волновало, что я снова и снова остаюсь одна, а от работы меня отвлекают разве что случайные и быстротечные романы.

Новым друзьям о своей связи с Норой я не рассказывала, так что число людей, посвященных в эту тайну, оставалось очень небольшим. Время шло, и я постепенно расслаблялась. Мне начало казаться, что это была лишь безумная интерлюдия, которая действительно осталась позади. Пожалуй, я поняла, что такое риск. Время, проведенное за границей вместе с Норой, я теперь считала ускоренным курсом изучения реальной жизни, в течение которого успела понять, насколько плохи могут оказаться дела и как важно оставаться верной себе даже в круговороте приключений и экспериментов. Путешествуя, я познакомилась с множеством людей, достоинство которых можно было купить

за деньги – хотя цены сильно различались, – и решила, что в следующий раз назначу себе такую цену, которую никто не сможет заплатить.

Умудренная опытом, я считала, что мне чертовски повезло. Отличная работа, отличные друзья, отличный город, отличная жизнь. Однажды приятели познакомили меня с Ларри, единственным парнем, который в ленивом Сан-Франциско работал не меньше меня. Он руководил новостным агентством AlterNet в некоммерческой медиаорганизации. Когда поздним вечером совершенно измотанная я выползала из монтажной, я всегда могла рассчитывать на то, что Ларри составит мне компанию за поздним ужином или при еще более поздней вылазке в бар.

На самом деле Ларри был очень легок на подъем. Свалившиеся с неба билеты на непонятный музыкальный фестиваль? Ларри едет. Подняться в воскресенье ни свет ни заря, пойти в церковь Глайда, а затем шесть часов бродить по городу, останавливаясь, только чтобы выпить по «Кровавой Мэри»? Сам будучи иудеем, он не возражал пойти в церковь и открывать рот, беззвучно повторяя слова гимнов. Ларри не был моим единственным мужчиной-другом, но у нас было схожее чувство юмора, и вскоре он стал для меня самым надежным источником веселья.

Пребывая в статусе новой лучшей подруги-лесбиянки Ларри, я во всех подробностях узнавала о каждой его любовной победе и о каждом провале, что меня и радовало, и пугало. Я не щадила его при оценке этих историй. Он в ответ обращался со мной как с королевой. Однажды вечером в моем офисе появился курьер с посылкой, в которой оказался настоящий мягкий крендель из Филадельфии с острой горчицей, – все это Ларри лично привез с Восточного побережья специально для меня. Как мило, думала я, откусывая один кусок за другим.

Но затем случилось страшное. Ларри попался в сети одной из своих мимолетных пассий, причем весьма глупенькой. Общаться с ним стало не так весело. Я не единственная это заметила. «Она держит его под каблуком!» – фыркали другие наши друзья. Мы безжалостно дразнили его, но от этого не было никакого толку. Так что мне пришлось взять все в свои руки, и в темном уголке задрипанного ночного клуба я пожертвовала собой во имя чести Ларри и поцеловала его прямо в губы, не дав очередной остроте сорваться с них.

Это привлекло его внимание. Как и мое. Какого черта! О чем я думала? Несколько месяцев после этого я притворялась, будто ничего не случилось, и пыталась разобраться в чувствах. Ларри был совсем не похож на тех ребят, с которыми я встречалась раньше. Во-первых, он мне нравился. Во-вторых, он был невысоким, нескладным парнем с огромными голубыми глазами, широкой улыбкой и копной спутанных волос. В прошлом я спала только с высокими экзотичными красавцами-нарциссами. Мне вообще не очень-то хотелось встречаться с мужчиной, а этот мужчина еще и был совсем не в моем вкусе!

Вот только на самом деле это было не так. Ларри был как раз в моем вкусе. Даже после неловкого поцелуя в ночном клубе мы остались неразлучны, хотя он и пребывал в замешательстве. Но он не давил на меня, не требовал ни ответов, ни ясности, он просто ждал. Однажды, вспомнив о том кренделе, я поняла, что Ларри был влюблен в меня уже тогда, а я была влюблена в него. Через несколько месяцев мы стали уже настоящей, официальной парой, к огромному удивлению наших скептично настроенных друзей.

Это были самые простые отношения, в которые я когда-либо вступала. С ним я чувствовала себя безоговорочно счастливой, так что, когда Ларри пришел ко мне, смущенный и сбитый с толку, и сказал, что ему предложили отличную работу в журнале на Восточном побережье, это даже не пошатнуло моего равновесия. Следующий шаг казался мне таким очевидным, таким естественным, что решение практически приняло себя само. Я уволилась со своей любимой работы и поехала вместе с Ларри – на такой серьезный риск я еще ни разу в жизни не отваживалась.

Мы с Ларри переехали в Нью-Йорк в 1998 году – он стал редактором мужского журнала, а я начала работать продюсером-фрилансером – и поселились в квартире в Вест-Виллидж. Одним теплым майским днем в дверь позвонили. Я работала дома и еще даже не сняла пижаму.

– Кто там? – спросила я по домофону.

– Мисс Керман? Это офицеры Малоуни и Вонг.

– Да? – Интересно, что местным копам понадобилось в нашем здании?

– Можем мы с вами поговорить?

– О чем? – подозрительно спросила я.

– Мисс Керман, нам лучше поговорить с глазу на глаз.

Малоуни и Вонг оказались крупными мужчинами в гражданской одежде. Поднявшись по лестнице, они зашли ко мне в квартиру и сели на диван в гостиной. Говорил Малоуни, а Вонг лишь равнодушно смотрел на меня.

– Мисс Керман, мы работаем в Таможенной службе США и пришли известить вас, что вы должны предстать перед федеральным судом Чикаго по обвинению в перевозке наркотиков и отмыванию денег. – Он протянул мне какой-то документ. – Здесь указано, когда и во сколько вам надлежит явиться в суд. Если вы не явитесь на слушание, вас арестуют.

Я молча моргнула. Вены у меня на висках вдруг начали пульсировать, словно я на огромной скорости пробежала несколько миль. Шум в голове меня не на шутку испугал. Я оставила свою прошлую жизнь позади и почти никому о ней не рассказывала – ничего не знал даже Ларри. Но теперь этому пришел конец. Меня поразило, насколько физически ощутимым был мой страх.

Я оставила свою прошлую жизнь позади и почти никому о ней не рассказывала. Но теперь этому пришел конец.

Малоуни вытащил планшет и бумагу и как ни в чем не бывало спросил:

– Мисс Керман, вы хотите сделать заявление?

– Думаю, мне лучше сначала поговорить с адвокатом. Так ведь, офицер Малоуни?

Чуть не забыв переодеть пижаму, я поспешила в офис к Ларри. Сбивчиво вызвав по телефону, я вытащила его на Западную 22-ю улицу.

– Что случилось? Ты на меня злишься? – спросил он.

Я вобрала в себя побольше воздуха, потому что иначе не смогла бы ничего сказать.

– На меня подали в суд за отмывание денег и перевозку наркотиков.

– Что? – недоуменно переспросил Ларри и огляделся, как будто желая проверить, не участвуем ли мы в какой-то тайной театральной постановке.

– Это правда. Я не придумываю. Я приехала из дома. Ко мне приходили федералы. Мне нужен телефон. Мне нужен адвокат. Можно мне позвонить?

Погодите, а стоило ли мне вообще пользоваться телефоном? Может, все телефоны, хоть как-то связанные со мной, включая аппараты в офисе Ларри, уже прослушивались? У меня в голове мелькали все безумные и параноидальные фразы, которые когда-то говорила Нора. Ларри смотрел на меня так, словно у меня съехала крыша.

– Мне нужен чей-нибудь мобильный! У кого я могу попросить телефон?

Через несколько минут я уже стояла на пожарной лестнице офиса Ларри и с телефона его коллеги звонила другу из Сан-Франциско, который был самым крутым из знакомых мне адвокатов. Он снял трубку.

– Уоллес, это Пайпер. Ко мне домой только что пришли двое федеральных агентов и сказали, что меня обвиняют в отмывании денег и перевозке наркотиков.

Уоллес рассмеялся. В конце концов я даже привыкла к такой реакции – все друзья сначала воспринимали мои слова одинаково.

– Уоллес, черт возьми, я не шучу. Я понятия не имею, что делать. Я с ума схожу! Ты должен мне помочь.

– Откуда ты звонишь?

– С пожарной лестницы.

– Найди таксофон.

Я вернулась в офис Ларри.

– Мне нужно найти таксофон.

– Милая, какого черта происходит? – спросил Ларри, на лице которого читались удивление, тревога и даже раздражение.

– Я правда не знаю. Мне нужно позвонить. Я вернусь и найду тебя.

Позднее, когда я сжато (и, наверное, не слишком последовательно) объяснила ситуацию, Ларри погрузился в нехарактерное для него молчание. Он не стал кричать на меня за то, что я не рассказала ему о своем криминальном прошлом, прежде чем мы связали свои жизни. Он не стал стыдить меня за то, что я была безрассудной и эгоистичной идиоткой. Когда я опустошила свой сберегательный счет, чтобы оплатить услуги адвоката и внести залог, он даже не сказал, что я умудрилась разрушить не только свою, но и его жизнь. Он просто сказал: «Мы справимся». Он просто сказал: «Все образуется. Ведь я люблю тебя».

Тот день стал началом долгого и мучительного путешествия по лабиринту американской системы правосудия. Уоллес помог мне найти адвоката. Решив, что моя жизнь кончена, я повела себя так, как всегда вела себя в экстремальных и опасных ситуациях: закрылась ото всех, снова и снова повторяя себе, что сама влезла в это дерьмо и винить мне некого. Решение мне тоже предстояло найти самой.

Но я была не одна – мои близкие и мой ничего не подозревающий парень отправились в это печальное приключение вместе со мной. Ларри, мои родители, мой брат, мои бабушки и дедушки – все поддерживали меня до конца, хотя и были потрясены и смущены моим криминальным прошлым, которое до той поры мне удавалось скрывать. Мой отец приехал в Нью-Йорк, и мы отправились в изматывающую четырехчасовую автомобильную поездку в Новую Англию, где проводили лето мои бабушка и дедушка. Я не чувствовала себя ни крутой, ни

модной, ни склонной к авантюрам, ни погруженной в контркультуру, ни готовой к личному бунту. Я чувствовала лишь, что намеренно ранила и разочаровала всех, кого сильнее всего любила, и беспечно выбросила свою жизнь на помойку. Они не могли понять, что я натворила, и я, сгорая со стыда, сидела в гостиной бабушки и дедушки на экстренном семейном совете, пока они часами задавали мне вопросы, пытаясь хоть немного осознать происходящее.

– Но куда же ты девала деньги? – наконец спросила не на шутку озадаченная бабушка.

– Знаешь, бабушка, я делала это не ради денег, – неубедительно ответила я.

– О, Пайпер, ради бога! – бросила она.

Я была не только источником стыда и разочарования, я была еще и идиоткой.

Бабушка не назвала меня идиоткой. На самом деле никто даже не упомянул о стыде и разочаровании. Но в этом не было необходимости. Я сама все знала. Невероятно, но мама, папа, бабушка и дедушка – все мои близкие сказали, что любят меня. Они переживали за меня. Они готовы были мне помочь. Когда я собралась уходить, бабушка крепко обняла меня, сжав мою грудную клетку своими тонкими руками.

Хотя мои близкие и те друзья, которым я рассказала о случившемся, восприняли новости со всей серьезностью, они все же сомневались, что «приличная светловолосая дамочка» вроде меня может оказаться в тюрьме, но мой адвокат быстро заверил меня, что положение очень тяжелое. Федеральный суд обвинил меня в преступном сговоре после провала контрабандного бизнеса моей бывшей любовницы. Такое же обвинение было предъявлено Норе, Джеку и еще тринадцати участникам дела (некоторых я знала, а некоторых – нет), включая африканского наркобарона Аладжи. Нора и Джек были под арестом, и кто-то выдавал властям одно имя за другим.

Как бы плохо мы ни расстались, я и представить не могла, чтобы Нора выдала меня в надежде спасти собственную шкуру. Но когда адвокат прислал мне материалы обвинения – все улики, которые властям удалось собрать против меня, – там были и ее подробные показания о том, как я перевозила наличные в

Европу. Я оказалась в незнакомом мире, где мою судьбу вершили слова «обвинение в преступном сговоре» и «обязательное минимальное заключение».

Я узнала, что при обвинении в сговоре, в отличие от обвинения в совершении отдельных противоправных деяний, группа лиц подозревается в разработке плана преступления. Обвинения в сговоре часто предъявляются только на основании свидетельских показаний другого «заговорщика» или, еще того хуже, «конфиденциального информатора» – человека, который согласился выдать остальных в обмен на собственную неприкосновенность. Власти любят обвинения в сговоре, поскольку по ним гораздо легче добиться обвинительного приговора от присяжных и заставить подсудимых самих заявить о своей виновности: как только один из обвиняемых в сговоре соглашается на такие условия, убедить его сообщников в том, что у них нет ни единого шанса на публичном процессе, становится несложно. При обвинении в сговоре наказание для меня определялось на основании общего количества перевезенных наркотиков, а не моей скромной роли в процессе.

Я и представить не могла, чтобы Нора выдала меня в надежде спасти собственную шкуру.

В США обязательное минимальное заключение стало важной частью объявленной в конце двадцатого века «Войны с наркотиками». Данные Конгрессом в 1980-х годах рекомендации требовали от федеральных судей наказывать за преступления, связанные с наркотиками, реальными тюремными сроками, вне зависимости от конкретных обстоятельств дела, личности и истории подсудимого. Федеральные законы дублировались законодательством штатов. Рекомендуемые сроки заключения сводили меня с ума: десять, двенадцать, двадцать лет. Обязательное минимальное заключение за преступления, связанные с наркотиками, считается главной причиной резкого увеличения количества содержащихся в американских тюрьмах преступников: с 1980-х годов оно возросло почти до 2,5 миллиона человек, показав рост едва ли не на 300 процентов. Сейчас каждый сотый взрослый американец сидит в тюрьме – таких показателей и близко нет ни в одной другой стране мира.

Мой адвокат осторожно, но твердо сказал мне, что, если я решу предстать перед судом и ответить на обвинение в сговоре, я стану одним из лучших

подзащитных, с которыми ему доводилось работать, ведь мне было что рассказать присяжным и чем надавить на их жалость. Однако при неудачном исходе дела я рисковала получением максимального срока, который мог составить более десяти лет. В случае признания вины меня, вне всякого сомнения, тоже приговорили бы к тюремному заключению, но срок при этом был бы гораздо короче.

Я выбрала последний вариант. Этому выбору предшествовали душераздирающие беседы с Ларри и моими потрясенными близкими. Но решение было за мной. Мой адвокат со знанием дела уладил все формальности, и в конце концов Прокуратура США позволила мне признать свою вину в отмывании денег, а не в преступном сговоре. Минимальным сроком за это преступление было тридцатимесячное заключение в федеральной тюрьме.

Я выдавила три слова, которые решили мою судьбу:

– Виновна, Ваша честь.

В Хеллоуин 1998 года мы с Ларри отправились в Чикаго в костюмах «подростков» – быть может, яркая одежда скрыла все мои печали. Тем вечером мы встретились с нашими друзьями Габ и Эдом, которые понятия не имели о моих трудностях и считали, что я приехала в Чикаго по работе. На следующее утро я надела свой лучший костюм, расправила плечи и вместе с Ларри отправилась в здание федерального суда. Немного побледнев, под пристальным взглядом Ларри я выдавила три слова, которые решили мою судьбу:

– Виновна, Ваша честь.

Вскоре после того как я признала свою вину, случилось кое-что неожиданное. В Лондоне по ордеру США арестовали западноафриканского наркобарона Аладжи. Мое свидание с тюрьмой вдруг оказалось отложено на неопределенный срок, пока США пытались экстрадировать его, чтобы он предстал перед судом. Власти хотели, чтобы я свидетельствовала против него в гражданской одежде, а не в оранжевой тюремной робе.

Конца этому делу не было видно. Я почти шесть лет жила под постоянным надзором федералов, ежемесячно отчитываясь перед своим досудебным надзирателем – серьезной молодой женщиной с неприлично кудрявыми волосами, подстриженными в стиле восьмидесятых, которая работала в здании федерального суда на Перл-стрит на Манхэттене. Раз в месяц я отправлялась в это здание, проходила через пост охраны, поднималась на лифте в отдел досудебной подготовки и отмечалась у секретаря, после чего меня просили подождать в обшарпанной комнатке, на стенах которой висели вдохновляющие и предупреждающие плакаты, велевшие мне проявлять упорство и не забывать о презервативах. Часто я сидела в этой комнатке одна. Иногда ко мне присоединялся какой-нибудь чернокожий или испаноязычный парень, увешанный золотыми цепями, и смотрел на меня с искренним удивлением. Время от времени появлялись и женщины, некоторые с детьми, но белых среди них не было. Они не обращали на меня внимания. Когда на пороге наконец появлялась моя мисс Финниган, я послушно шла за ней в кабинет и проводила там несколько неловких минут.

– Итак… Есть какие-нибудь новости по вашему делу?

– Нет.

– Да уж… процесс не из коротких.

Порой она виновато проводила мне анализ на наркотики. Все мои пробы оказывались чистыми. В конце концов, мисс Финниган ушла со службы и поступила на юридический, а меня перевели к столь же невозмутимой мисс Санчес. У нее были длинные накладные ногти, накрашенные ярко-розовым лаком. «Вы у меня самая беспроблемная!» – каждый месяц радостно восклицала она.

Бог поставил мою жизнь на паузу.

За более чем пять лет ожидания чего я только не успела передумать о тюрьме. Мои обстоятельства оставались тайной почти для всех знакомых. Сначала мне было слишком страшно, слишком неловко и слишком стыдно рассказывать, что случилось. Когда же дело об экстрадиции застопорилось, все стало слишком

странно, чтобы сообщать непосвященным друзьям: «Я отправляюсь в тюрьму… когда-то». Мне казалось, что лучше переварить все это наедине с собой. Те друзья, которые были в курсе ситуации, к счастью, никогда не поднимали эту тему, словно Бог поставил мою жизнь на паузу.

Я изо всех сил старалась забыть о том, что меня ждет, с небывалым рвением работала креативным директором в интернет-компаниях и бродила по центру Нью-Йорка с Ларри и нашими друзьями. Мне нужны были деньги, чтобы оплачивать огромные судебные издержки, поэтому я работала даже с теми клиентами, которых мои коллеги-хипстеры считали мерзкими и неприятными – большими телекоммуникационными компаниями, большими нефтехимическими корпорациями и большими теневыми холдингами.

Со всеми, кроме Ларри, я держалась несколько отстраненно. Только с ним я могла поделиться своим страхом и стыдом. В общении с людьми, которые понятия не имели о моей криминальной тайне и маячащем передо мной тюремном сроке, я просто не могла быть собой – я была милой, иногда обаятельной, но всегда холодной, далекой, возможно, даже безразличной ко всему. Мне было сложно полностью расслабиться даже в компании близких друзей, которые знали, что происходит. Будущее довлело надо мной, и я смотрела на все словно со стороны, потому что в моих глазах все меркло в сравнении с тем, что ожидало меня впереди. Где-то на горизонте маячило разорение, нашествие казаков и кровожадных индейцев.

Шли годы, и мои близкие уже начали верить, что меня спасет какое-то чудо. Мама много времени проводила в церкви. Но я ни на минуту не позволяла себе поверить в эту выдумку – я знала, что отправлюсь в тюрьму. Порой мне бывало тяжело. Но для меня стало открытием, что близкие и Ларри все равно любили меня, хоть я и наломала дров, что друзья, которые знали о моем положении, не отвернулись от меня, а я сама по-прежнему могла преуспевать в профессиональной и социальной сферах, хотя и умудрилась разрушить собственную жизнь. С течением времени я стала меньше тревожиться за свое будущее и за перспективы на счастье и даже перестала так сильно страшиться тюрьмы.

Благодарить за это мне стоило главным образом Ларри. Когда мне предъявили обвинение, мы были явно влюблены друг в друга, но нам было всего по двадцать восемь лет. Мы только переехали в Нью-Йорк и не строили никаких планов на будущее, за исключением разве что о том, куда нам податься, когда парень, у которого мы снимали квартиру, вернется из Лондона. Когда же меня настигло мое криминальное прошлое, никто не стал бы винить Ларри, если бы он усадил меня на диван и сказал: «На это сумасшествие я не подписывался. Я думал, ты просто немного чокнутая, а оказалось, что ты на всю голову больная!» Кто мог предсказать, как еврейский мальчик из Нью-Джерси воспримет информацию о том, что его приличная богемная подружка, в прошлом лесбиянка, на самом деле еще и преступница под следствием?

Кто знал, что мой общительный, деятельный, энергичный парень окажется таким терпеливым, понимающим и надежным? Что он будет успокаивать меня, рыдающую в три ручья, и гладить рукой по голове? Что он будет хранить мой секрет и сделает его своим собственным? Что он будет вытаскивать меня с самого дна, когда я буду слишком долго хандрить и изводить себя печальными мыслями, хотя для этого ему и придется вступать в неравную схватку с моей тоской и обрекать себя на тяжелые дни и ночи у нас дома?

В июле 2003 года мы приехали в принадлежащий моей семье пляжный домик в Массачусетсе. Прекрасным солнечным днем мы с Ларри отправились на лодке на остров Пи – крошечный клочок песка и скал в небольшой бухте в заливе Баззардс. На острове было тихо и пустынно. Мы искупались, а затем сели на скалы, смотрящие в бухту. Ларри расправлял плавки, а я искоса смотрела на него, гадая, почему он ведет себя так странно. Тут он вытащил из плавок пластиковый пакетик, внутри которого оказалась металлическая коробочка.

– Пи, я купил эти кольца, потому что люблю тебя, и хочу подарить их тебе, чтобы ты знала, как много ты для меня значишь. Их семь – по одному на каждый год, который мы провели вместе. Если не хочешь, жениться нам необязательно. Но пусть эти кольца будут у тебя…

Само собой, дальше я не помню ни слова из его речи, потому что была так удивлена, поражена, тронута и взволнована, что больше ничего не услышала. Я просто закричала:

– Да!

В коробочке было семь тонких, как оберточная бумага, золотых колец, которые предполагалось носить вместе. Ларри купил кольцо и себе – тонкий серебряный обруч, который он тут же нервно надел на палец.

Моя семья пришла в восторг. Родители Ларри – тоже. Но, несмотря на продолжительность наших с их сыном отношений, они еще многого не знали о своей будущей невестке. Они всегда были добры ко мне, но я ужасно боялась, как они отреагируют, узнав о моей страшной тайне. Кэрол и Лу отличались от моих родителей – бывших хиппи: они встречались еще со школы, с 1950-х, и не застали всей контркультуры. Они по-прежнему жили в идиллическом маленьком городке, где и выросли, ходили на футбольные матчи и ужины адвокатской коллегии. Я сомневалась, что они отнесутся с пониманием к моему подростковому увлечению низами общества, участию в международной торговле наркотиками или неминуемому заключению.

Но прошло уже более пяти лет, с тех пор как мне предъявили обвинение. Ларри считал, что нам нужно рассказать его родителям правду. Мы решили попробовать на других людях, применяя тактику, которую Ларри назвал «признайся и беги». Реакции были довольно схожими: друзья громко смеялись, затем давали себя убедить, а затем приходили в ужас. Несмотря на ответы друзей, я боялась, что с будущими свекрами мне повезет куда меньше.

Ларри позвонил родителям и сказал, что мы хотим с глазу на глаз обсудить с ними кое-что важное. Мы выехали из Нью-Йорка августовским вечером, приехали к ним поздно и съели классический летний ужин – стейк, вареную кукурузу, сочные помидоры из Джерси и вкуснейший персиковый пирог. За их кухонным столом мы с Ларри сидели друг напротив друга, а Кэрол и Лу казались очень взволнованными, но не испуганными. По-моему, они решили, что все это касается только меня, а не Ларри.

Наконец Ларри сказал:

– Новости плохие, но это не рак.

И я начала рассказывать свою историю. Ларри время от времени прерывал меня, порой невпопад, но из меня словно вытащили пробку.

Сидевшая рядом со мной Кэрол взяла меня за руку, крепко сжала ее и сказала:

– Ты ведь была совсем молода!

Лу попытался осмыслить эту радикально новую информацию, включив режим адвоката: он спросил, когда мне предъявили обвинение, кто меня защищал, в каком суде слушалось дело и чем он может помочь. И не сижу ли я на героине.

Забавно, что при небольших печалях в семье Ларри переживали так, словно произошло крушение «Титаника», но когда случилась настоящая катастрофа, его родители оказались именно теми людьми, с которыми ты готов пойти в разведку. Я ожидала, что они осыпят меня упреками и в конце концов вычеркнут из своей жизни, но вместо этого получила невероятную поддержку с их стороны.

В итоге Великобритания отказалась экстрадировать наркобарона Аладжи в Америку и вместо этого отпустила его на свободу. Мой адвокат объяснил, что, будучи нигерийцем, он считался гражданином Британского содружества наций и мог рассчитывать на определенную защиту по британским законам. Немного покопавшись в Интернете, я выяснила, что он был богатым и влиятельным африканским бизнесменом-гангстером, поэтому меня не удивило, что у него вполне могли оказаться нужные связи, чтобы разобраться с такими досадными недоразумениями, как дело об экстрадиции.

Я вытащила карты мошенничества, раскрытия, стыда, едва ли не банкротства и добровольной изоляции. Разыграть их хоть сколько-нибудь удачно было вряд ли возможно.

Наконец-то прокуратура в Чикаго решила дать ход моему делу. Чтобы подготовиться к приговору, я написала личное обращение к суду и рассказала обо всем еще нескольким друзьям и коллегам, которые могли бы составить рекомендательные письма и попросить судью проявить снисхождение. Мне было

невероятно сложно и унизительно обращаться к людям, которых я знала много лет, объяснять им свою ситуацию и просить у них помощи. Их реакция обескуражила меня. Я настроилась на резкие отказы, понимая, что причин для этого не перечесть, но вместо этого оказалась окружена заботой и вниманием и плакала над каждым письмом, читая о своем детстве, о дружбе или о профессиональных качествах. Каждый старался описать меня с лучшей стороны, и от этого мне становилось лишь тяжелее: я чувствовала себя абсолютно никчемной.

Одна из моих близких подруг по колледжу, Кейт, написала судье следующее:

Я полагаю, ее решение вступить в преступное сообщество отчасти объясняется тем, что она чувствовала себя одинокой в этом мире и хотела найти свое место в жизни. С тех пор ее отношения с окружающими изменились и стали гораздо ближе. Уверена, теперь она знает, что ее жизнь переплетена с жизнью тех, кто ее любит…

Дата оглашения моего приговора приближалась. Почти шесть лет ожидания у меня в голове вертелось клише «что нас не убивает, делает нас сильнее», но теперь мне пришлось осознать, что оно на самом деле значит, ведь смысл старых, затасканных фраз от нас нередко ускользает. Я вытащила карты мошенничества, раскрытия, стыда, едва ли не банкротства и добровольной изоляции. Разыграть их хоть сколько-нибудь удачно было вряд ли возможно. И все же каким-то образом мне удалось не остаться одной. Моя семья, мои друзья, мои коллеги – все эти прекрасные люди отказались покидать меня, несмотря на мое мерзкое, безумное и безрассудное поведение много лет назад и мое навязчивое стремление отгородиться ото всех и решать проблемы в одиночестве. Может, все эти прекрасные люди просто любили меня и готовы были помочь, а может, я и на самом деле была не так уж плоха, как мне казалось. Может, отчасти я и заслуживала их любви.

Мы с Ларри снова полетели в Чикаго и встретились с моим адвокатом Патом Коттером за день до оглашения приговора. Мы надеялись на более короткий, чем тридцать месяцев, срок, и благодаря усердной, кропотливой и выверенной работе Пата прокуратура согласилась не озвучивать протест в свете долгой

задержки в деле. Я показала Пату свои варианты одежды для суда: один из моих элегантных брючных костюмов «креативного директора», темно-синее платье-пальто в стиле милитари, которое, пожалуй, было самым консервативным предметом моего гардероба, и бонус – костюм с юбкой, сшитый еще в 1950-х, который я купила на eBay. Кремовый, в изящную синюю клетку, он так и кричал о моей принадлежности к какому-нибудь загородному клубу.

– Вот этот, – сказал Пат, показывая на кремовый костюм. – Нужно, чтобы при взгляде на тебя судья вспомнил о своей дочери, племяннице или соседке.

Той ночью я не сомкнула глаз. Ларри нашел на гостиничном телевизоре канал, где показывали, как гибкие, красивые любители йоги принимают одну замысловатую позу за другой на фантастическом гавайском пляже. Мне безумно хотелось оказаться там.

Восьмого декабря 2003 года я предстала перед судьей Чарльзом Норглом. В зале суда находилась небольшая группа моих друзей и близких. Прежде чем судья огласил мой приговор, я сделала заявление:

– Ваша честь, более десяти лет назад я сделала неправильный выбор. Неправильный как с практической, так и с моральной точки зрения. Я была настоящей эгоисткой и не думала о других. Я осознанно нарушала закон, лгала своей семье и отдалилась от настоящих друзей.

Я готова нести ответственность за свои действия и принять любое наказание, которое назначит мне суд. Я искренне сожалею, что причинила окружающим столько вреда, и не сомневаюсь, что суд отнесется ко мне справедливо.

Я хочу воспользоваться возможностью поблагодарить своих родителей, жениха, друзей и коллег, которые пришли сегодня сюда и которые любили и поддерживали меня, и извиниться перед ними за всю боль, тревогу и стыд, которые они из-за меня пережили.

Ваша честь, благодарю вас за то, что выслушали мое заявление и рассмотрели мое дело.

Меня приговорили к пятнадцати месяцам заключения в федеральной тюрьме. Я услышала, как сзади меня заплакали Ларри, мои родители и моя подруга Кристен. Мне же такой короткий срок показался настоящим чудом – к тому же я была так измотана ожиданием, что мне не терпелось как можно скорее оставить все это позади. И все же страдания моих родителей были хуже любой моей печали, усталости и депрессии от долгого ожидания.

Меня приговорили к пятнадцати месяцам заключения в федеральной тюрьме. Такой короткий срок показался настоящим чудом.

Однако теперь мне снова пришлось ждать, на этот раз – направления в тюрьму. Это было все равно что ждать письма из колледжа – я надеялась попасть в тюрьму Данбери в Коннектикуте. Все остальные тюрьмы стали бы для меня просто катастрофой, ведь там я не могла рассчитывать на частые встречи с Ларри и родителями. Следующая самая близкая к нам женская федеральная тюрьма находилась в Западной Вирджинии, в пятистах милях от нашего дома. Когда наконец пришел тонкий конверт от службы федеральных маршалов и внутри я нашла предписание 4 февраля 2004 года явиться в Федеральное исправительное учреждение в Данбери, я испытала такое облегчение, которое не описать словами.

Я попыталась привести в порядок дела и подготовилась исчезнуть более чем на год. К этому времени я прочитала уже несколько найденных на «Амазоне» книг о выживании в тюрьме, но все они были написаны для мужчин. Я съездила к бабушке с дедушкой, стараясь отогнать от себя шальную мысль, что, возможно, я больше никогда их не увижу. Примерно за неделю до назначенного дня явки мы с Ларри встретились с небольшой группой друзей в баре «У Джо» на Шестой улице в Ист-Виллидж и организовали импровизированные проводы. С нами были сплошь близкие друзья, знавшие о моей тайне и сделавшие все возможное, чтобы помочь. Мы отлично провели время – играли в бильярд, рассказывали истории, пили текилу. Мы засиделись далеко за полночь – я не останавливалась, не собиралась ограничивать себя в текиле, не желала показывать, что дело вообще-то дрянь. Но ночь сменилась утром, и кто-то из друзей наконец сказал, что пора по домам. Я обняла его так крепко и отчаянно, как может обнять лишь напившаяся текилы девчонка, и вдруг поняла, что действительно прощаюсь с друзьями. Я не знала, когда увижу их снова и как это произойдет. И я заплакала.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эрта Мэй Китт (англ. Eartha Mae Kitt) – американская певица и актриса.

Купить: https://tellnovel.com/kerman_payper/oranzhevyy-hit-sezona-kak-ya-provela-god-v-zhenskoy-tyur-me

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити